

УДК 101.1: 316

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

УРБАНИЗМ И АНТИУРБАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА

В настоящей публикации автор рассматривает проблему урбанизма и антиурбанизма в несколько непривычном контексте, а именно, с точки зрения социобиологической эволюции общества и выражает свое субъективное видение на отдельные стороны единой социотехноприродной системы общепланетарной человеческой цивилизации, которые можно разглядеть сквозь призму модели «урбанизм-антиурбанизм»

Ключевые слова: урбанизм, антиурбанизм, общество, социология города, городская архитектура, агломерация, урбоэкология

Урбанизм и антиурбанизм – это не просто течения философской и социологической мысли, сложившейся в Европе в конце XIX и начале XX века, в Северной Америке – скорее в 20-е гг. XX в., но если вспомнить Генри Торо и его первую публикацию «Уолден, или жизнь в лесу» в 1854 году, то вполне можно сказать, параллельно – и в Европе и в Северной Америке. Но если копнуть глубже, то в Древнем Риме, во II веке до н.э. в трактате Марка Порция Катона Старшего (165 г. до н.э.) можно найти среди правил жизни и этических представлений замкнутой сельской фамилии, вполне обоснованные истоки современного антиурбанизма и дауншифтинга [25]. А в работе Ю.К. Колосовской [19] мы без труда обнаруживаем ясные черты древнеримского имперского урбанизма, с вполне развитой культурой и идеологией многочисленных провинциальных римских городов, имеющих как универсальные, так и уникальные (самобытные) черты своего культурно-исторического и социально-технологического развития (в современном понимании).

Правда, в настоящее время, немало социологов, которые относят истоки урбанизма и антиурбанизма к философии эпохи Просвещения [21]. В таких случаях я всегда вспоминаю просвещенную студенту филологического

факультета, утверждавшую (как ей внушили, видимо, преподаватели её замечательного факультета), что любовь появилась в эпоху Возрождения.

Характерные черты антиурбанизма – противопоставление большого города традиционной малой общине и критика города как воплощения безумия Нового времени машинной цивилизации, взгляд на урбанизацию, как нарушение естественного хода вещей, ностальгия по исчезающему миру малых общин с их размеренным ритмом жизни [21].

Тем не менее, в современном обществе тотально правит урбанизм и является основой развития любого государства, любой страны и региона, за исключением, быть может, острова Питкэрн, затерянного в просторах Тихого Океана.

В настоящей публикации я намереваюсь рассмотреть проблему урбанизма и антиурбанизма в несколько непривычном контексте, а именно, с точки зрения социобиологической эволюции общества и выразить свое субъективное видение на отдельные стороны единой социотехноприродной системы общепланетарной человеческой цивилизации, которые можно разглядеть сквозь призму модели «урбанизм-антиурбанизм».

Так как я (уже) не пытаюсь претендовать на максимальную научную объективность и не являюсь представителем искусственного интеллекта или нейросетью, то считаю целесообразным (в общих чертах) выразить наличие субъективного опыта по отношению к проблеме (модели) «урбанизм и антиурбанизм».

Впервые я ознакомился с данной проблемой в мае 1979 года, посредством чтения классического труда В.А. Анучина «Основы природопользования», где урбанизм, в основном, представлен как неизбежное и позитивное явление, связанное с территориальной концентрацией производства: «Концентрация производства и урбанизация хотя не полностью, но в очень большой мере представляют собой единство. Урбанизацию неправильно сводить к росту городов. Развивается принципиально новая система расселения, соответствующая более высокой

степени концентрации производства. Связь урбанизации, концентрации производства и научно-технической революции проявляется прежде всего в создании крупных научно-производственных территориальных комплексов, которые теперь и становятся основными ядрами расселения» [1].

Также Всеволод Александрович Анучин утверждал, что: «надо искать новые формы расселения. Пора понять, что содержание таких привычных понятий, как город, поселок, деревня и т.д., изменяется, это тем более так, если учитывать, что пределы территориальной концентрации производства пока еще не определены. Вероятно, они еще не достигнуты даже в наиболее урбанизированных странах и районах Земли» [1].

Вероятно, вторым значимым этапом в осмыслении проблемы «урбанизм-антиурбанизм» стало мое проживание в небольшое таежной эвенкийской деревушке Наканно (сентябрь-ноябрь 1980 г.), где впервые пришло понимание сущности и смысла реального социально-психологического антиурбанизма, который я продолжаю познавать и в настоящее время (октябрь 2023 г.).

В 1982-83 гг., кроме прочего, я вознамерился написать серьезный реферат на тему «Преодоление разрыва между городом и деревней и между умственным и физическим трудом» - модная тема во времена диамата и научного коммунизма, а также во времена развитого социализма, который был «построен» в нашей стране (октябрь 1977, Брежневская конституция).

В октябре 1984-марте 1985 гг. произошло погружение в тему экопоселений: «экополис» и «экологическая деревня». В том же 1984 году я дважды побывал в городе Байкальске. Этот небольшой, но весьма известный городок произвел на меня сильное впечатление. Впоследствии, в 1989-1999 гг. я пытался разрабатывать проект «Байкальск-Экополис» (город науки, туризма и образования, после закрытия БЦБК). По этому поводу писал в правительство СССР, а в 1998 году сделал доклад на конференции в самом Байкальске, на что главные представители власти сказали: «Это, конечно, красиво и заманчиво, но вряд ли осуществимо». И оказались правы. После

1999 года я продолжал моделировать и проводить изыскания на тему «оптимального экологического поселения и социотехноприродных систем разных размерностей», но уже стал понимать, что моя теория мало кому нужна на практике, пришли иные времена, иные люди и иные ценности.

Большое влияние на мой интерес и понимание проблемы «урбанизм-антиурбанизм» имели работы О.Н. Яницкого [39, 40, 41, 42]. До сих пор убежден, если бы СССР не канул в лету, то социально-экологическая парадигма О.Н. Яницкого могла бы иметь свое практическое развитие» [8].

Когда я решил выразить свои субъективные размышления в виде настоящего очерка и мысленно пробежался по своему жизненному опыту, то увидел, что побывал в более чем в 50 городах (от мега до мини-полисов) и в более чем 50 населенных пунктах, ранга ниже городского (поселок городского типа, село, деревня) – все они имели свое неповторимое социотехноприродное «лицо» или «облик». Добавлю, что детство и отрочество моё прошло в целинном совхозе в Северном Казахстане (1961-1974 гг.) и большую часть жизни я прожил в городе Иркутске (1982-2020 гг.), время от времени ненадолго из него уезжал и возвращался. Уже четвертый год живу в небольшой деревне (чуть больше 300 жителей), но с богатой, более чем 300 летней историей.

И город, и деревня – имеют свои позитивные и негативные черты. Весь вопрос в том, чтобы найти себя и свое время, или родиться в свою эпоху. Я, как мне кажется, большую часть своей жизни, скорее человек XIX или начала XX века.

Теперь, надеюсь, вы убедились, что я живой человек, а не искусственный интеллект.

И поэтому перехожу к заявленной теме (не забывая о неизбежной субъективности и личной предвзятости суждений).

«Еще во времена Римской империи плотность населения случалось, превышала 100 000 чел/кв.км, а плотность около 40 000 чел/кв.км была совсем не редкостью» [36].

В книге известного французского архитектурного критика и теоретика градостроительства Мишеля Рагона (вышедшей на русском языке в 1969 году) есть любопытный пассаж, посвященный нашему времени: «Говоря о заключительном третьем этапе, мы имеем в виду градостроительство и архитектуру начала XXI века. Этому вопросу будет посвящена особая глава книги, и мы грешим не столько излишним оптимизмом, сколько чрезмерной робостью. Несомненно, к этому времени немало обезлюдевших городов станут лишь местами паломничества туристов. Покинувшее их население будет проживать в пронизанных солнечным светом новых городах или в рассеянных жилых домах; на работу они будут ездить в города, являющиеся мозговыми центрами страны... можно надеяться, что до наступления XXI века на Луне и Марсе появятся архитектурные сооружения для космонавтов. ... В наш век реактивных самолетов и ракет многие еще вынуждены полагаться только на собственные ноги или перемещаться на ослах, верблюдах и лошадях. А на Западе твердят о том, что путь к будущему прегражден автомобильной пробкой! Вполне возможно, что будущее не разрешит присущих нашему времени противоречий и только усугубит их» [26].

Приведу еще два примера, касающиеся прогнозирования урбанизации.

1. В марте 1966 году, в Вашингтоне, на симпозиуме по проблемам научного прогнозирования, известный архитектор и градостроитель К.Доксиадис, выступая с докладом «Города будущего», кроме прочего сказал одну емкую фразу: «Говоря о 2001 г., мы рассчитываем, что городское население увеличится в четыре раза, экономический потенциал – от восьми до двенадцати раз. Если у нас хватит духа перемножить соответствующие цифры, мы поймем, какие проблемы встанут перед нами» [14].

2. Известный советский социолог и демограф И.В. Бестужев-Лада в книге «Мир нашего завтра», вышедшей в 1986 году, в главе «В городе будущего», посвященной перспективам урбанизации, отмечает: «Нельзя забывать, что обратной стороной процесса урбанизации, а также

дезурбанизации, который разворачивается в капиталистических странах во второй половине нашего (XX) века, является деградация сельских поселений, малых городов, за счет которых и в людском и в материально-финансовом отношении растут крупные и сверхкрупные города. Нельзя забывать, что оттуда в первую очередь уходит молодежь, самая активная часть населения... Экстраполируя эти тенденции на 40-50 лет вперед, на первую половину XXI века, мы получаем значения, свидетельствующие о масштабах и остроте назревающих социальных проблем, о необходимости и неизбежности серьезных, качественных видоизменений существующих тенденций. Тысячи городов-миллионеров! Сотни городов с десятками миллионов жителей в каждом! Несколько сверхгигантских городских агломераций по сотне-другой миллионов населения! Многие миллиарды людей в городах-гигантах – треть или, может быть, половина населения Земли. Возможно ли это? Нужно ли это? Известно, что содержание человека в городе дороже, чем в малом, а в крупном – значительно дороже... Как прокормить и чем занять массы скученного населения – это только две проблемы из многих...» [4].

После такого обильного цитирования сделаем небольшой перерыв и посвятим его нескольким предварительным выводам (как я и обещал вначале – сугубо субъективного характера).

1. Проблема избыточной плотности населения в городах существует, как минимум, две тысячи лет, как максимум – более четырех-пяти тысяч лет (Шумер, Мохенджо-Даро, Древний Египет). И за это время люди так и не научились оптимально управлять потоками расселения и размещения в городах, а также успешно решать проблемы, преодолевающие скученность населения и все негативные последствия такой стихийной аккумуляции, создающей массу неудобств для всех жителей урбанизированного пространства.

2. Согласно прогнозу Мишеля Рагона, мы уже имеем за последние 30-50 лет (я имею ввиду в мировом масштабе) немало обезлюдевших

городов: Детройт, города Сицилии и юга Аппенинского полуострова и во многих других странах). В России также немало обезлюдивших городов, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, в основном, связанных с добычей полезных ископаемых. Возникает банальный вопрос: зачем бросать уже построенные города и строить новые?

3. Мировая экономика и мировая экология постоянно ссылаются на нехватку природных ресурсов, и, в первую очередь, энергии. И при этом происходит вполне сознательный и целенаправленный рост городов, и особенно, мегаполисов, где потребление ресурсов и соответствующих материальных благ в десятки или даже сотни раз больше, чем в малых городах и сельских поселениях. Возникает вопрос: действительно ли экономисты, бизнесмены и политики являются представителями рода *Homo Sapiens* или они «засланцы» неземного разума, задавшегося целью разрушить биосферу планеты Земля и сделать её непригодной для жизни людей?

4. Зачем разумным людям строить гигантские мегаполисы? В 1908 году в глухой тайге на Подкаменной Тунгуске взорвался метеорит (или иное космическое тело). Слава богу, что он угодили в это безлюдное место (видимо, это действительно мог быть инопланетный корабль – иначе трудно объяснить место падения этого космического тела?). Представим себе, что он мог бы угодить (и взорваться) в Нью-Йорк, Лондон или Берлин... Мы бы имели тогда совсем иную историю XX века, возможно, гораздо более благоприятную для России...

Смысл в том, что гигантские скопления людей гораздо сильнее подвержены природным, техногенным и космическим катастрофам, именно в силу своей скученности и большой концентрации населения на ограниченной площади.

5. Несмотря на здравые и убедительные прогнозы отдельных ученых (К.Доксиадис, И.В. Бестужев-Лада, М.Рагон и др.), мировая бизнес

элита нисколько не меняет своего алчного поведния в последние 30-50 лет и по-прежнему живет по принципу: «После нас – хоть потоп!».

Здесь снова придется прерваться и задать себе вопрос: «Не занимаюсь ли я сейчас модным в 60-80 е годы XX века экологическим алармизом (т.е. напрасным запугиванием мирно спящих обывателей)?»

Вовсе нет – я просто пытаюсь размышлять над проблемой «урбанизм и антиурбанизм» и высказываю некоторые свои субъективные гипотезы и предположения. Не исключая, что мой взгляд на проблему имеет несколько пессимистический или даже катастрофический характер. Но в процессе мысленного моделирования и прогнозирования развития социотехноприродных систем разного уровня (в моем представлении – любой город, любое государство – есть социотехноприродная система) допустимы любые гипотезы, описывающие любые возможные состояния, в том числе, и катастрофические. Конечно, как и любой другой обычный человек, я всегда стремился избежать погружений в подобные крайние варианты, но как исследователь – я не могу игнорировать вероятностей даже если они кажутся весьма маловероятным (после аварии на Чернобыльской АЭС журналисты нередко писали, что ученые оценивали вероятность такой аварии как одну миллионную).

В данный момент – самое время перейти к заявленному контексту: социобиологической эволюции общества, на фоне которой происходит развитие процесса урбанизации и антиурбанизации. Точнее, на мой взгляд, сама урбанизация обусловлена эволюцией человеческого общества, имеющего ярко выраженную социобиологическую и космобиологическую природу.

Говоря о социобиологической природе, сущности человека и человеческого общества, я лишь отчасти разделяю взгляды и убеждения Эдварда Уилсона, часто использующего метафору муравьиного сообщества для сравнения с человеческим сообществом [32, 33].

Но также было наивным полагать, что эволюцию человека и человеческого общества определяют труд, производство или даже, неведь откуда свалившийся, вполне сознательный человеческий разум.

Если препарировать серьезно анатомию и физиологию человеческого сообщества (как, например, достаточно упрощенно делает это эволюционный психолог Паскаль Буайе [5]), то мы неизбежно приходим к выводу, что сущность человека (по исходной природе) биологична, а социальное – это всего лишь «зыбкая пленка» на теле биологического, естественно-природного. Хотя, социальному мы часто придаем решающее значение, и, нередко, оно определяет (на 80-90%) судьбу и поведение человеческого индивидуума, социума всех уровней и всех социальных институтов, и, в конечном итоге, поведение и судьбу всего человечества (когда последнее не может совладать со своими биологическими инстинктами и найти действительно разумные, социальные или гуманные формы выбора оптимального поведения в локальной или глобальной ситуации).

Эрих Фромм, весьма уважаемый гуманист и психоаналитик, в своей философско-антропологической монографии «Анатомия человеческой деструктивности» активно отвергает социобиологическую предопределенность эволюции общества, называя свое видение «опровержением инстинктивистов». Рассматривая «неолитическую революцию» и «революцию городов» Фромм полагает, что в первом случае движущей силой эволюции выступала религия и доминирующее матриархальное начало. А во втором случае – развитие первых городов-государств – произошло в связи с переходом (установлением) к авторитарной патриархальной власти, что и вызвало формирование «института войны» и бурное развитие (ранее отсутствующей) деструктивной агрессии, как «составной характеристики общества, а не отдельной черты поведения изолированного индивида» [35].

При всем уважении к Э.Фромму, я нахожу такую реконструкцию более мифологической, чем естественно-научной.

Из исследований по этологии приматов хорошо известно, что «многие из наиболее социальных животных нередко и наиболее агрессивны» и «наряду с буферами агрессии на уровне индивидуальных взаимодействий, имеющими, по всей вероятности, биологическую природу, у человека существенную роль в регулировании внутрисовиальных и межгрупповых конфликтов играют социально-культурные стереотипы... Роль культурных буферов агрессии чрезвычайно велика» [6].

Тем не менее, насколько нам наглядно известно из истории человеческой цивилизации последних пяти тысяч лет, социальные и культурные буферы-стереотипы очень часто не срабатывают. И главная причина слабой эффективности этих культурных стереотипов в том, что часто вверх берет биологическое, инстинктивное начало, как отдельного человека, так и человеческого общества (в каждом конкретном историческом случае).

В плане реконструктивного моделирования эволюции общества, на мой взгляд, весьма адекватным является концепция П.Бергера и Т.Лукмана, где «социальная реальность конструируется intersубъективным человеческим сознанием, а общество в целом является своего рода фикцией, проекцией индивидуального опыта» [2, 12].

Академик Н.Н. Моисеев считал, что «появление человека – новый этап эволюции Универсума» и что «возможность превращения потомков австралопитеков в людей связано с развитием не только разума, но и нравственности, точнее, их симбиоза» [24].

В таком случае, мы имеем все тот же вариант сочетания биологического (развитый мозг – разум) и социального (духовная, социально-психологическая эволюция).

Завершая небольшой эволюционно-исторический экскурс, я возвращаюсь к проблеме «урбанизации и антиурбанизации».

Широко распространено в научном мире утверждение, что «урбанизация – явление социальное». На мой взгляд, это социально

устаревший научный стереотип. Урбанизация, это, как и вся эволюция общества и вида *Homo Sapiens* – есть явление социально-биологическое. Хотя, безусловно, она имеет ярко выраженную техногенно-искусственную компоненту (или подсистему, если мы рассматриваем современное человечество на социотехноприродную систему).

В кратком очерке довольно сложно представить все богатство и многообразие социально-биологического феномена эволюции человеческого общества. Неизбежно сталкиваешься с необходимостью тотальной редукции. Отсюда возникают два варианта отображения: либо схема, либо фрагментарно-избирательное изложение случайно (или не случайно) выбранных аспектов или особенностей социально-биологического феномена. Поэтому я выбираю вариант фрагментарно-схематического изложения, основанного на субъективном предпочтении: что считаю целесообразным, то и излагаю. Будем считать этот метод субъективно-ориентированным потоком ассоциаций.

Небольшое отвлечение. Приведу пример из сферы социально-биологического.

В просвещенном обществе принято считать, что международная политика – это высший пилотаж социального управления международным сообществом. И только настоящие, избранные и обученные джентльмены (или дамы) способны выполнять эту духовно-социальную миссию. Но опять же, ни для кого не секрет, что в политике – все средства хороши ради достижения цели, и что лицемерие и обман – один из основных инструментов в международной политике (особенно, со стороны доминирующих стран Запада). При этом технология и свойства лицемерия и обмана нередко считаются высшим дипломатическим искусством. Но для тех, кто более менее серьезно знаком с базовыми знаниями по приматологии и этологии высших животных, не является секретом, что обман, лицемерие и принцип «разделяй и властвуй» широко распространены у высших приматов и, особенно, у шимпанзе. Таким образом, несложно прийти к выводу, что во

многих видах, казалось бы исключительно социальной и интеллектуальной деятельности, исходными являются биологические стереотипы и доминанты.

Один из прародителей социологии современного урбанизма Л.Вирт, характеризуя поведения типичных горожан, отмечал следующие черты: «скрытность, равнодушие, безразличный вид, проявляемые горожанами во взаимоотношениях друг с другом, можно таким образом рассматривать как средства, помогающие им огородить себя от личных притязаний и ожиданий других» [9]. Но скажу вам (по небольшому секрету), что такие черты типичного поведения горожан без особого труда можно обнаружить уже у приматов, если они формируют новое стадо из нескольких локальных групп. И в данном случае, при внимательном и не предвзятом анализе, можно прийти к выводу, что в типичном «отстраненном» поведении проявляются довольно древние социально-биологические архетипы или филогенетические этологические стереотипы, появившиеся у высших приматов никак не менее 5 млн. лет назад (если исходить из молекулярно-генетического анализа человека и шимпанзе).

Американский социолог Г. Ганс критически оценивая теорию Л. Вирта приводит свою классификацию главных типов жителей внутреннего города: 1. Космополиты. 2. Неженатые (незамужние). 3. Этнические сельские жители. 4. Люди, испытывающие лишения. 5. Оказавшиеся в ловушке и движущиеся вниз. К группе «космополиты» он относит студентов, художников, писателей, музыкантов, представителей бизнеса, развлечений, людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, профессионалов [10].

Нельзя не заметить, если принимать во внимание хотя бы только первую группу, насколько условна и абстрактна такая классификация (или – стратификация). Ведь с точки зрения социально-биологической в этой группе мы обнаружим значительное разнообразие социально-психологических характеристик, темпераментов, этнических поведенческих стереотипов, различие биологических и психологических потенциалов индивидуумов, не

говоря о разнообразии этико-аксиологических (собственно социальных) индивидуальных характеристик.

Еще дальше от социально-биологического абстрагируется Г.Н. Дончевский в своем постмодернистском очерке «Воздух города делает человека свободным...». Ссылаясь на Й. Хейзингу, он утверждает, что «город – это игра, которая дарует свободу» [15]. Ага! Особенно для многочисленных ипотечников. Не жизнь – а сплошная игра!

И село, у Г.Н. Дончевского, тоже играет. И бизнес, где «бурно растут формы делового обмана» тоже играет. И вообще, с точки зрения Г.Н. Дончевского, «город – обстоятельство по преимуществу духовное». Это мне напоминает случай, когда известный бард Олег Митяев рассказывал на своем концерте: «Пою и чувствую, что аудитория молчит и меня не понимает». Это про тот случай, когда он давал свой авторский концерт в местах лишения свободы и пел песню «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!».

Конечно, при крайней идеализации можно утверждать, что «город – обстоятельство по преимуществу духовное». Особенно, в каком-нибудь возвышенном обществе, где собрались творческие и интеллектуальные личности, которые позабыли о том, что существует в каждом городе свой криминальный мир (сообщество), свои маргиналы, бомжи и прочие (по Гансу «люди, испытывающие лишения, оказавшиеся в ловушке и движущиеся вниз»).

Пожалуй, это классический пример абстрагирования от реальности, от биопсихической и социально-биологической сущности человека разумного, будь-то горожанин или селянин.

Как, впрочем, трудно согласиться в Л.Виртом, утверждавшим, что «контакты в городе, даже если они происходят лицом к лицу, являются безличными, поверхностными, мимолетными и сегментарными» [9]. Это верно лишь отчасти. Полностью это верно, если мы имеем дело с крайней степенью психологического выгорания личности, которая начинает жить «на

автопилоте», максимально отключая сознательное восприятие и отражение окружающего мира.

В любом городе люди не лишены эмоций и устремлений, не лишены активного биологического начала и полноты социально-психологического бытия. Но при этом доминируют индивидуальные цели, ценности, ориентиры, которые формируют «экономичное» поведение, позволяющее концентрировать психическую и жизненную энергию в определенном выбранном русле целеустремления, а не растрачивать ее на всех прохожих, пытаюсь открыть каждому встречному свою душу, потому как «все люди – братья!».

Как отмечает Г.В. Горнова: «Урбанисты утверждают, что личность не может развиваться не урбанизируясь... Культура города формирует сознание «человека городского» (*Homo urbanus*)» и приходит к широко распространенному выводу: «Необходимо отметить, что мировоззренческими основаниями урбанизма и антиурбанизма являются антропоцентризм и биоцентризм» [11]. Экстраполируя – каждый горожанин-антропоцентрист, а каждый крестьянин – биоцентрист (?).

С завершающим выводом Г.В. Горновой трудно не согласиться: «Для перехода к устойчивому развитию города нужна ценностная переориентация общественного сознания в духе экологической и гуманистической этики» [11].

Я, конечно, в настоящее время, с трудом понимаю что такое «общественное сознание» и «общественное мнение» (но в былые времена тоже нередко ссылался на эти термины), но в целом понятно, что эта тенденция верная, но крайне сложно реализуемая. Чтобы прояснить это утверждение – совершим небольшой исторический экскурс в недавнее прошлое.

Урбоэкология или экология градостроительная – научно-прикладное направление, появившееся (в основном) в 80-е годы XX века, рассматривает степень благоприятности среды для формирования систем населенных мест.

Различают макро (страна, крупные регионы), мезо (области, края и их части) и микротерриториальные (города и пригородные зоны) уровни региональной урбоэкологии [27].

Есть еще одно родственное урбоэкологии направление – социальная экология города, как самостоятельная отрасль знания и социального проектирования поселений, как особое направление социологической деятельности [39].

Как отмечали иркутские географы в 1990 году: «Проблемы социально-экологического дискомфорта человека в условиях городской среды весьма многогранны. Прежде всего они связаны с резким сокращением контактов городского населения с естественной природной средой, нарастающим загрязнением среды его обитания, повышенными нервно-психологическими нагрузками, обусловленными спецификой городской жизни, увеличением времени пребывания человека в закрытых жилых и производственных помещениях, экологическое состояние которых обычно очень далеко от оптимального. Все это в совокупности с уменьшением двигательной активности самого человека существенно ухудшает его здоровье» [16].

Известно, что «архитектурная городская планировка крайне консервативна. Вопреки желаниям более 80% людей, города строят из многоэтажных жилых зданий, почти без учета климатических факторов, шумовой нагрузки улиц, вообще особенностей среды жизни и психологии человека» [28].

Надо сказать, что и к настоящему времени в сфере урбоэкологии и социальной экологии города мало чего изменилось к лучшему. Как отмечал в 2008 году О.Н. Яницкий: «"Хорошая экология" теперь означает мое частное благо. Для элиты – это качество «оазиса» благоденствия везде, по всему миру. Для нее "моя экология" значит сеть таких «оазисов» безопасности и связующих их коридоров, максимально обособленных и защищенных от среды обитания «пиπλα» [40].

В последние два десятилетия в России бурно развиваются пригороды и так называемая сельская агломерация (тяготеющая к антиурбанизму и дауншифтингу), но в конечном итоге – это больше субурбанизация и снижение «биосферного потенциала территории» [37].

В целом можно сказать, что в капиталистической России за последние 32 года «экологизация городской среды» сводится к освоению бюджетных средств, к имитационным «экологическим мероприятиям» и к дальнейшей усиленной урбанизации и субурбанизации. Если, например, рассматривать в этом отношении город Иркутск, постоянно стремящийся к созданию новой агломерации [7], то можно сказать, что за последние 30 лет его территория практически «удвоилась» за счет процессов субурбанизации и создания «параллельного малоэтажного Иркутска» на лесных и сельскохозяйственных территориях, примыкающих к городу. Разумеется, что эта тенденция является общероссийской и пока не имеет серьезной комплексной оценки с точки зрения перспектив и последствий. То, что данный процесс означает усиление урбанизации и субурбанизации – это однозначно. Как и то, что это означает дальнейшее сокращение «биосферного потенциала территорий» и интенсивное развитие искусственной техногенной среды.

Возвращаясь в 90-е годы XX века:

1. «Город сегодня (даже крупный) не способен быть самодостаточным. Он не эффективен и не рационален. Фактически города сегодня – большие деревни с ориентацией на воспроизводство сложившихся традиций и стереотипов» [31].

2. «Иркутск уже давно перестал быть городом, по сути превратившись в рыхлую совокупность искусственно объединенных «поселков-спален» при предприятиях, построенных вокруг полуразвалившегося центра, бывшего когда-то городом Иркутском. А главное – со случайным составом жителей, съехавшихся отовсюду и практически не имеющих между собой ничего общего, кроме прописки» [3].

По прошествии 30 лет принципиально мало что изменилось. Тот же полуразрушенный исторический центр города Иркутска, за исключением 130-го квартала, выстроенного в стиле американского «дикого запада» и улицы Урицкого, пешеходной, где каждый год обновляют тротуары, придавая все более искусственный и безжизненный вид...

В целом, продолжается «обезлюдение» Иркутской области за счет сельского населения (за тридцать лет перестали существовать десятки, или точнее, сотни деревень и поселков).

Если с 1926 по 1970 гг. население Иркутской области выросло почти в 4 раза. Но при этом резко изменилась его структура. Если в 1926 году городское население составляло немногим более 20%, то в 1970 – более 70% [22].

За последние 30 лет население Иркутской области только сокращается: 1990 г. – 2 831 тыс. чел., на 1 января 2023 – 2 344 тыс.чел. Городское население на 1 января 2023: 1817 тыс. чел., сельское – 527 тыс.чел. Не говоря о том, что изменился качественный состав населения. Все больше молодежи ежегодно уезжает из Иркутска в Красноярск, Новосибирск и европейскую часть страны.

В связи с этим вспоминается оптимистический прогноз академика М.Лаврентьева в 1980 году: «По всей вероятности население Сибири в течение последующих пятидесяти лет увеличится в несколько раз. Сейчас здесь двадцать миллионов, но будет шестьдесят, а может, и все сто» [20].

Понятно, что «колесо истории» повернуло не в ту сторону и вместо «коммунизма» мы имеем «капитализм». Но тот «социализм», который мы имели в нашей стране в 60-80е годы XX века был все таки более оптимистичный и более ориентированный на гуманное развитие общества. Но и в том, и в другом, и в третьем случае – всегда доминирует социобиологическое начало человеческой природы и сущности, которые реализуются в психосоциальной активности каждого индивидуума-личности.

«Когда эволюция соединила в личности возможность индивидуального и группового способа существования живого, она таким образом решила противоречие уникального и всеобщего в психике человека. Человек вынужден постоянно соблюдать напряженный баланс между индивидуальным и групповым уровнем социальной системы. Нарушение этого баланса в любую сторону, как в результате потери групповой идентификации, так и при полном отождествлении себя с группой ведет к патологии сознания личности» [30].

Психологи уже давно начали понимать, что социальность носит генетическую природу, т.е., что фундамент и истоки социальности биологические, и что, по-существу, нет социального, лишённого биологического начала и субъективно-психологического содержания.

К.Клакхон: «Культура основывается на человеческой природе, и её формы определяются и биологией человека и законами природы» [18].

И ещё одно сильное утверждение от К.Клакхона, которые мне кажется весьма актуальным для настоящего времени (20-х годов XXI века): «В смысле лечения социальных недугов мы все ещё живём в век магии... Мы все ещё занимаемся поисками философского камня – магической формулы, которая сделает человечество упорядоченным и миролюбивым» [18].

Как отмечает Дж.Форрестер в «Динамике развития города»: «Зачастую меры, которые кажутся наиболее легко осуществимыми и многообещающими в ближайшее время, могут привести к усугублению проблемы в отдалённом будущем» [34].

Проблема урбанизма имеет свойство постоянного усложнения и обострения. Например, в настоящее время в России 11млн 950 тысяч человек инвалидов и более 40 миллионов человек маломобильных граждан [29] и в подавляющем большинстве они проживают в городах.

В последние годы бурно развиваются такие направления как «умный город» [17] и «юридическая урбанонология» [38].

Все такого рода проекты нацелены на максимальное внедрение в жизнь каждого города систем искусственного интеллекта. Но по большому счету, эта тенденция была прослежена Л.Виртом еще в 30-е годы XX века: «Массы людей в городе поддаются манипулированию с помощью символов и стереотипов, которыми управляют индивиды, действующие издалека или незримо воздействующие из-за кулис, благодаря контролю над средствами коммуникации» [9].

Почти за девяносто прошедших лет (в этом отношении) мало что изменилось. Точнее, системы «обезличивания» стали более совершенными.

Современный город стал более похож на муравейник и во многом живет по законам такого муравейника. Ради любопытства, загляните в статью «Трансформация форм возрастной мобильности населения как отражение субпостурбанизационной стадии развития Московской агломерации» [23].

Вполне себе технически оснащенный и живущий по солнечным ритмам муравейник («человежник» по А.Зиновьеву).

Я далек от того, чтобы призывать «назад в пещеры» или «вперед к идиотизму деревенской жизни». Но все мы должны понимать, что в «обществе невинного обмана» [13] и всеобщей глобализации, должен существовать третий или срединный путь – путь коэволюции всех естественных интеллектов сообщества Homo Sapiens...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978. – 293 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.
3. Березкин Ю.М. К разработке концепции развития города Иркутска: идея города // Концепция развития города: социальные, экологические, управленческие аспекты. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР. 1991. С. 11-31.
4. Бестужев-Лада И.В. Мир нашего завтра. – М.: Мысль. 1986. 269 с.
5. Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 436 с.

6. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.
7. Винобер А.В. Иркутск-мегаполис: социально-экологический анализ и прогноз развития Иркутской агломерации на 2020-е годы // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2019. - 5(14). С. 12-20.
8. Винобер А.В. Социально-экологическая парадигма О.Н. Яницкого // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2023 № 6 (59). С. 5-12.
9. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // В сборнике: Вирт Луис. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. Сер. "Теория и история социологии" Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Пер. с англ. - Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В., Москва, 2005. С. 89-113.
10. Ганс, Г. Урбанизм и субурбанизм как образ жизни: новые определения понятий Люди, планы, стратегии. Пер. В.В. Вагина. 1991 // Urban Sociology. - URL: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_9586.html (дата обращения: 22.09.2023).
11. Горнова Г.В. Аргументация в полемике урбанизма и антиурбанизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 33 (170). С. 41-44.
12. Гуревич П.С. Бергер Питер // Современная западная философия : Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат. 1991. С. 36-37
13. Гэлбрейт Д. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. Пер. с англ. - М.: Европа, 2009. 88 с.
14. Доксиадис К. Города будущего // Космическая эра. Прогнозы на 2001 год. Пер. с англ. – М.: Мир. 1970. С. 406-414.
15. Дончевский Г.Н. «Воздух города делает человека свободным...» // Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства / Отв. ред. А.В. Ермишина, Л.В. Клименко. – Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2016. С. 14-28.
16. Елин С.П., Ульхова А.А. Социально-экологические аспекты исследования территорий // Геоэкологическая характеристика городов Сибири. – Иркутск: Институт географии СО АН СССР. 1990. С. 148-160
17. Ефимова Е.А.»Умный город» как современная концепция урбанизации: зарубежный опыт и российская практика // Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства. Отв. ред. А.В. Ермишина, Л.В. Клименко. - Ростов-на-Дону. 2016. С. 91-102.
18. Клакхон К.М.К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.
19. Колосовская Ю.К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура Древнего Рима. в 2-х тт. Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. – М.: Наука. 1985. С. 167-257.
20. Лаврентьев М. ... Прирастать будет Сибирью. – М.: Молодая Гвардия. 1980. 175 с.

21. Лейбович О.Л. Урбанизм и антиурбанизм // Современная западная социология : Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат. 1991. С. 361-362.
22. Лосякова К.М. Опыт картографического изучения сдвигов в заселении территории: Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. 1972. Вып. 33. С. 20-29
23. Махрова А.Г. Трансформация форм возрастной мобильности населения как отражение суб- и постсубурбанизационных стадий развития Московской агломерации // Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства. Отв. ред. А.В. Ермишина, Л.В. Клименко. - Ростов-на-Дону. 2016. С. 133-152.
24. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.
25. Позднякова Н.А. Место науки в системе мировоззрения // // Культура Древнего Рима. в 2-х тт. Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 2. – М.: Наука. 1985С.248-299.
26. Рагон М. Города будущего. Пер. с фр. – М.: Мир. 1969. 294 с.
27. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
28. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы) – М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. – 367 с.
29. Социальный урбанизм: темпоральный контекст доступности (на примере российских городов). Буланов В.М., Григорьева С.А., Ильин В.О., Корогодова Н.П., Косова О.А., Михайлова А.А., Ручин А.В., Чернецкая А.А. Коллективная монография. – М.: ООО «Вариант». 2020. 378 с.
30. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. – М.: Академический проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 448 с.
31. Труфанова Н.Я. Проблемы управления развитием города // Концепция развития города: социальные, экологические, управленческие аспекты. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР. 1991. С. 3-11.
32. Уилсон Э. О природе человека. Пер. с англ. Т. О. Новиковой. — М.: Кучково поле, 2015. — 352 с.
33. Уилсон Э. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2014. — 368 с
34. Форрестер Дж. Динамика развития города. Перевод с английского М. Орловой. Под редакцией Ю. Иванилова, А. Иванова, Р. Оганова Предисловие Ю. Козлова. — М.: Прогресс, 1974. — 286 с.
35. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.
36. Эди. Л.К., Гелли В. Города // Справочник по системотехнике. Под ред. Р.Макола. Пер. с англ. – М.: Советское радио. 1970. С. 31-43.
37. Экологические проблемы урбанизированных территорий. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН. 1998. 200 с.
38. Юридическая урбаноология. Урбанологическая теория / Астафичев П.А., Волох В.А., Воронина Н.А., Глушков А.И., Грищенко Л.Л., Грищенко

В.В., Дементьев А.Н., Капитонова Е.А., Касаткина С.С., Ковнир В.Н., Корабельникова Ю.Л., Кузнецова О.Д., Кузнецов С.А., Ларичев А.А., Латфуллин Г.Р., Мартынова С.Э., Мархгейм М.В., Метелева Е.Р., Некрасов С.И., Питрюк А.В. и др. в 2-х томах / М.: Юридический Дом "Юстицинформ". 2021. 824 с.

39. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. – М.: Мысль. 1987. 278 с.

40. Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 224 с.

41. Яницкий О.Н. Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения [Электронный ресурс] / Электрон. версия печат. публ. - Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Istoriya_i_sovremen/2008-02/Yanitsky_Ekomodernizaciya_Rossii.pdf (дата обращения 02.12.2013)

42. Яницкий О.Н. Мегалополисы: обособление, изоляция, интеграция // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование/ 2018. 3(5). С. 5-27.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

URBANISM AND ANTI-URBANISM IN THE CONTEXT OF SOCIOBIOLOGICAL EVOLUTION OF SOCIETY

In this publication, the author examines the problem of urbanism and anti-urbanism in a somewhat unusual context, namely, from the point of view of the sociobiological evolution of society and expresses his subjective vision on individual sides of a single sociotechnological system of a planetary human civilization, which can be seen through the prism of the model "urbanism-anti-urbanism".

Keywords: urbanism, anti-urbanism, society, urban sociology, urban architecture, agglomeration, urban ecology

Поступила в редакцию 2 ноября 2023